

своё существование, нависая и впредь над ослабленным тылом германской армии²¹⁹.

31 января в Гомбурге состоялось совещание, на котором присутствовали император Вильгельм II, имперский канцлер Гертлинг, вице-канцлер, Кюльман и представители германского командования. Людендорф высказал позицию военных, которая заключалась в том, чтобы перемирие прервать²²⁰. Кюльман возражал, но его точка зрения во внимание принята

²¹⁹ Людендорф приводит и ещё одно достаточно веское соображение. «...когда война приближалась к решительному моменту, – пишет он, – то ни время, ни место, ни партнёры в Бресте не являлись подходящими... Что могли подумать государственные люди Антанты об испытываемой нами необходимости заключить мир, если мы выносили подобное обхождение с нами Троцкого и не признанного ни одной страной большевистского правительства! Это могло лишь чрезвычайно усилить решимость правительств и народов Антанты. Как должен был мир быть необходим Германии, если она буквально шла в хвосте за большевиками и терпела их пропаганду, которая была явно направлена против германской армии!»

²²⁰ «При том распространении, которое имел большевизм, – вспоминал позже Людендорф, – заключённый нами с Украиной мир являлся весьма шатким. Ввиду этого, представители четверного союза при подписании его исходили из соображения, что если мы не хотим, чтобы мир с Украиной превратился в мировой фарс и надувательство, и желаем получить оттуда хлеб, то мы должны оказать ей военную помощь.

Чтобы воспрепятствовать самим большевикам образовать новый восточный фронт, мы должны были нанести короткий, но сильный удар расположенным против нас русским войскам, который позволил бы нам при этом захватить большое количество военного снаряжения. Дальнейшее развитие операций на востоке не имело в виду на ближайшее время.

На Украине надо было подавлять большевизм, и создать там такие условия, чтобы иметь возможность извлекать из нее военные выгоды и вывозить хлеб и сырье. Для этого мы должны были сильно углубиться в страну; другого выхода для нас не оставалось...

Я высказал мысль, что с большевистскими вождями вообще не удастся заключить честный мир, и что уже, во всяком случае, они, как работали, так и будут продолжать работать над подготовкой революции в Германии. Эту опасность недооценить мы не могли. Мы могли бороться с большевизмом лишь путём устройства сплошного заграждения впереди границы. Конечно, растяжка заградительной линии до Ботнического залива представляется невыгодной. Но линия Двинск – Рижский залив требовала не многим меньше войск, чем линия Двинск – Чудское озеро – Финский залив, благодаря большим озерам. Всякая промежуточная линия вызвала бы ещё больший расход войск. Вопрос заключался не в развитии беспредельной военной операции, а в проведении территориально-ограниченных мероприятий»

не была. В результате было решено возобновить военные действия, занять оставшуюся часть Прибалтики, вплоть до Нарвы, оказать военную помощь Финляндии и Раде, подавив при этом большевизм на всей территории Украины. Решено было считать, что декларация Троцкого и срыв переговоров автоматически влекут за собой также и прекращение перемирия²²¹.

3(16) февраля 1918 г. германское командование официально известило советскую сторону, что с 5(18) февраля Германия и Россия вновь будут находиться в состоянии войны, и в 12 часов дня германские войска возобновят военные действия против Русской армии²²².

8.3.6. Псковско-Нарвские бои

В 22.15 28 января перед отъездом из Брест-Литовска Троцкий направил в Петроград телеграмму следующего содержания: «Председателю Совнаркома Ленину. Переговоры закончились. Сегодня после окончательного выяснения неприемлемости Австро-Германских условий наша делегация заявила, что выходит из империалистической войны, демобилизует свою армию и отказывается подписать аннексионистский договор.

²²¹ В соответствии с ранее принятыми договорённостями стороны взяли на себя обязательства предупредить друг друга о возобновлении военных действий за 7 дней после разрыва. Таким образом, в Германии посчитали, что сам разрыв был зафиксирован не позднее 28 января, и, соответственно, с 5(18) февраля у военных были развязаны руки. Всё это представляется, по меньшей мере, спорным, но всё, разумеется, решало соотношение сил. Удивляет, что вопросу соблюдения дипломатических формальностей на совещании в Гомбурге вообще уделялось внимание. Немцы традиционно оставались педантичными.

²²² Любопытно, что в Петрограде не сразу этому поверили. 4(17) февраля Троцкий, вновь предвосхищая ровно ту же реакцию и те же действия Сталина, направил в Берлин, Вену и Брест-Литовск радиogramму следующего содержания: «Нами получено сообщение от господина Самойло, будто генерал Гофман заявил 16 февраля, что с 18 февраля в 12 часов дня между Германией и Россией возобновляется состояние войны. Правительство Российской Республики предполагает, что полученная нами телеграмма не исходит от тех лиц, которыми подписана, а имеет провокационный характер, так как даже если допустить прекращение перемирия со стороны Германии, то предупреждение об этом... должно быть сделано за семь дней, а не за два дня...»

Однако, в ответной телеграмме, направленной в Совнарком, Гофман своё уведомление подтвердил.

Согласно сделанному заявлению издайте немедленно приказ о прекращении состояния войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией и о демобилизации на всех фронтах. Нарком Троцкий».

Не ограничиваясь этим и не дожидаясь реакции Советского правительства, Троцкий обратился напрямую и к Крыленко: «Согласно сделанному делегацией заявлению издайте немедленно, этой ночью приказ о прекращении состояния войны... и о демобилизации на всех фронтах».

Крыленко, видевший в Старой армии, в большей степени угрозу Советской власти, нежели инструмент защиты страны от внешней угрозы, немедленно направил соответствующую радиотелеграмму в Ставку и в Верховную коллегия²²³. Начинаясь она словами: «Всем, всем, всем... Мир! Война кончена. Россия больше не воюет. Конец проклятой войне...» И сомнений в том, что война действительно окончилась, ни у кого из адресатов оставить не могла.

Однако Ленин сразу же уяснил, в какую ситуацию попало Советское правительство после демарша главы советской делегации. В сообщении Троцкого он выявил главное – мир не подписан. В этих условиях демобилизация армии могла, конечно, успокоить немцев. Но куда с большей долей вероятности могла и спровоцировать их на возобновление военных действий. В конце концов, удерживало их от решающего наступления на Востоке вовсе не стремление к скорейшему «справедливому миру», а существование всё ещё, как представлялось, многомиллионной Русской армии и перспектива затяжных боёв с неизбежным вынужденным отвлечением с решающего театра военных действий значительных сил.

В такие моменты всевозможные «если» и «нельзя исключать» Ленин удалял даже из лексикона. Не дожидаясь прибытия Троцкого, он сделал всё возможное, чтобы объявленную демобилизацию немедленно отменить. Его секретарь по прямому про-

²²³ Верховная коллегия при Верховном главнокомандующем. Так называли Центральную коллегия действующих армий и флота (ЦЕНТРОДАРФ), образованную при Ставке 16 декабря 1917 г. Члены коллегии С. В. Флоровский, Н. Логинов, Г. П. Ряпп были избраны непосредственно солдатским съездом.

воду передал в Верховную коллегия²²⁴ следующее: «Сегодняшнюю телеграмму о мире и о всеобщей демобилизации армии на всех фронтах отменить всеми имеющимися у Вас способами по приказанию Ленина. Приказ исполнен ли?» Эта директива была вскоре передана в штаб Крыленко с припиской: «Наштаверху. 29 января 1918. Немедленно отменить распространение телеграммы о мире. Член В[ерховной] К[оллегии] С. Флоровский».

Тем не менее в тот же день 29 января в 17 часов распоряжение Главнокомандующего о демобилизации начало поступать в войска²²⁵. Там приказ был также встречен с пониманием. Во всяком случае, после проведённой уже частичной демобилизации ранних возрастов, удивления и тревоги он не вызвал. Лишь Антонов-Овсеенко, не дожидаясь разъяснений из Смольного, своей властью поспешил его отменить.

Эта продолжавшаяся несколько дней неразбериха вбила в крышку гроба Старой армии один из последних гвоздей²²⁶. С

²²⁴ По понятным соображениям Ленин не хотел, чтобы непопулярная директива, отменяющая демобилизацию, исходила непосредственно от Правительства. Верховная коллегия, как выборный солдатский орган, подходила для этой цели как нельзя лучше.

²²⁵ «Немецкие капиталисты, банкиры и помещики, поддерживаемые молчаливым содействием английской и французской буржуазии, – говорилось в приказе, – поставили нашим товарищам, членам мирной делегации в Бресте условия, под которыми не может дать свои подписи русская революция. Мы не можем подписать такого мира, который несёт с собою горе, затягивает страдания миллионов таких же рабочих и крестьян. Мы не можем, не хотим, и не будем также вести войну, затеянную царями и капиталистами. Мы не хотим, и не будем вести войну с такими же, как и мы, немецкими и австрийскими рабочими и крестьянами. Мы не подписываем мира помещиков и капиталистов. Пусть знают теперь немецкие и австрийские солдаты... что мы с ними воевать отказываемся. Предписываю немедленно принять меры к объявлению войскам, что война с этого момента считается прекращённой. Настоящим объявляется одновременно начало общей демобилизации на всём фронте... предписываю принять меры к вводу войск с передовой линии».

Как видно, Крыленко не оставался в неведении и то, что мир не подписан, понимал прекрасно. Как военный человек он не мог не осознавать, какую опасность влечёт за собой демобилизация, но считал, что само существование Старой армии представляет куда большую угрозу.

²²⁶ Впрочем, ещё в конце декабря 1917 г. СНК издал два декрета. Первый из них, наименованный «О выборном начале и об организации власти в армии», М.Д. Бонч-Бруевич охарактеризовал следующими словами: «Декрет этот привёл меня в ужас – он на мой *тогдашний* взгляд добивал те жалкие остатки бо-

этого момента солдаты массово, неудержимым потоком, устремились с фронта домой. И остановить их никто даже не пытался, да это было и невозможно. Наличие увольнительных документов или их отсутствие после приказа Крыленко не играло уже никакой роли. В окопах оставались лишь те, кто привык пусть и к скудному, но гарантированному довольствию. Нашлись, конечно же, и патриоты, но их была горсть. В любом случае, говорить о боевых возможностях окончательно разложившихся, деморализованных, совершенно неуправляемых остатках Старой армии всерьёз теперь уже не приходилось.

По прибытии в Петроград Троцкий имел беседу с Лениным и проинформировал его о срыве переговоров лично. Никакой критики не последовало. Не было даже открыто высказанного

способности, которые всё ещё благодаря изумительным свойствам русского солдата имелись у находившихся на фронте войск. По этому декрету вся власть в пределах каждой войсковой части принадлежала солдатским комитетам. Все командные должности вплоть до командира полка объявлялись выборными и замещались только в результате голосования. Ни один вышестоящий начальник не имел права отвода или смещения с должности подчинённого ему младшего начальника. Командиры бригад и дивизий и *командующие армиями* выбирались соответствующими съездами солдатских депутатов. Дисциплинарные права, отнятые у офицеров, переходили к товарищеским судам...»

Подписанный тогда же Лениным декрет «Об уравнивании всех военнослужащих в правах и об упразднении воинских чинов и званий» упразднял все чины, от ефрейторского до генеральского, ликвидировал институт вестовых и отменял знаки отличия военнослужащих.

«Оба эти декрета, – вспоминал М. Д. Бонч-Бруевич, – ошеломили меня. Человеку, одолевшему хотя бы только азы старой военной науки, казалось ясным, что армия не может существовать без авторитетных командиров, пользующихся нужной властью и несменяемых снизу. Если полк или рота могут в любой момент переизбрать своих командиров, то кто же – думал я – станет выполнять их приказы, кого они смогут повести с собой на смерть или хотя бы заставить под обстрелом противника отрыть окоп в мёрзлом, не поддающемся лопате грунте? Множество столь же убедительных доводов приходило мне на ум, и я так и не мог понять, почему новое правительство вместо того, чтобы сохранить старую армию, с такой настойчивостью добивает её. Я не понимал, что всё это делалось только для того, чтобы вырвать армию из рук реакционного генералитета и офицерства и помешать ей... снова превратиться в орудие подавления революции».

«Таким образом, – писал далее генерал, – в декабре 1917 года совершенно точно установилось, что вся задача верховного командования заключается в ликвидации старой армии, а затем и самой Ставки...»

недовольства²²⁷. Более того, 1(14) февраля на заседании ВЦИК была принята следующая резолюция:

«Заслушав и обсудив доклад мирной делегации, Центральный Исполнительный Комитет вполне одобряет образ действий своих представителей в Бресте...»

Центральный Исполнительный Комитет глубоко убеждён в том, что рабочие-социалисты всех стран вместе с трудящимся классом России признают полную правильность той политики, которую в течение всего времени переговоров вела в Бресте делегация российской социалистической революции...

Российская Советская Республика вышла из империалистической войны...

Старая русская армия, измученная 3 1/2 годами кровавой бойни, демобилизуется...»

Особых возражений Ленина, как и кого-либо ещё, во всяком случае высказанных публично, не последовало. Напрашивается вывод: Владимир Ильич *действительно* демаршем Троцкого был удовлетворён. Он вовсе не считал, что оговоренный момент, когда «надо сдавать», уже наступил. И, напротив, рассчитывал, что немцы, взяв паузу, рано или поздно, вновь, как это бывало и прежде, обратятся к Советскому правительству с просьбой возобновить переговоры. И тогда можно будет потребовать уступок и подписать договор, продемонстрировав способность СНК отстаивать национальные интересы, либо продолжить полити-

М. Д. Бонч-Бруевич

²²⁷ Но вместе с тем, определённая часть партийных и советских функционеров уже тогда вполне чётко представляли, чем это может закончиться. «Одни в восторге, другие в оцепенении, – вспоминал Ж. Садуль. – Кое-кто плачет, это разумные люди. Они, как и я, понимают, что этот жест слишком романтичен... что в Германии раздаётся громовой хохот, что завтра её полки с ещё большей готовностью возобновят наступление благодаря приятной перспективе лёгких и богатых завоеваний».

ку затягивания, ожидая, когда экономическая катастрофа взорвёт Австро-Венгрию изнутри.

Может создаться впечатление, что Советское правительство, увлечённое пропагандистской деятельностью и ожидающее революционного подъёма в Германии, мало интересовалось состоянием армии. Это далеко не так. Соответствующие запросы поступали в Ставку систематически. Другое дело, что ситуация на фронте оптимизма не вызывала. Ещё в ноябре следовавший в Брест А.А. Самойло отмечал критическое состояние боевых частей. «По пути, – писал генерал, – я мог воочию наблюдать крайнее разложение армии после понесённых потерь, людских и материальных. Видел я и наши отвратительно грязные окопы. Пока я ожидал немецкого офицера, несколько запоздавшего, солдаты накормили меня из своего котла обедом, который можно было есть только после продолжительного голодания».

К февралю ситуация полностью вышла из-под контроля²²⁸,

²²⁸ Солдаты 56-го Сибирского полка приняли на общем собрании резолюцию, которая говорит о многом: «Мы, солдаты 56 Сибир. стр. полка, 5 января с.г. на общем собрании ротных, командных и полкового комитетов, обсудив вопрос о положении нашего полка, решили поставить вас в известность: Искосол 12 армии и Главковерха, что 56 Сибир. стр. полк, ввиду малочисленности солдат и заболеваний от недоедания пищи, стоять больше не в силах, а чтобы не оставить фронт открытым, постановили от каждой роты выделить по 10 солдат, которыми и занять участок 56 Сибир. стр. полка; притом требуем во что бы то ни стало, чтобы смена была не позднее 20 января; если не будет до означенного числа смены, то фронт будет открыт, и ответственность пусть ляжет на тех солдат, которые забыли нас, измученных окопников, и не идут к нам на помощь, пусть будет всем солдатам 12 армии известно, что это последнее наше решение».

7 января командующий войсками Минского военного округа телеграфировал из Минска: «Проходящие эшелоны и солдаты местного гарнизона разгромили винный склад, с огромным трудом местному Совдепу удаётся удерживать от окончательного погрома и массовых избиений при защите склада и водворении порядка. Есть убитые и раненые с той и другой стороны, опасность огромная, город объявлен на военном положении. Шлите помощь...»

14 января Совет солдатских депутатов 3-го армейского корпуса направил телеграмму, в которой в частности сообщал: «Положение корпуса трагическое. Уже три дня как солдаты не получают хлеба. Надеяться на прибытие хлеба нельзя... Если даже допустить, что хлеб будет, получать его невозможно. Обслуживает его лишь узкоколейная железная дорога, которая давно уже не функционирует и неспособна работать, ввиду истощения конского состава

и для многих стало очевидным: катастрофа неизбежна. Вступивший при Крыленко в должность начальника штаба при Верховном главнокомандующем М.Д. Бонч-Бруевич²²⁹, производивший проверку состояния Старой армии, одно за другим направлял в Совнарком, созданному Совету военных комиссаров, Крыленко, начальнику Генерального штаба, а также и брату, В.Д. Бонч-Бруевичу²³⁰ подробные донесения, смысл которых состоял в одном: «Русская армия вполне утратила боеспособность²³¹».

Какие-либо меры по укреплению Старой армии Петроградом не предпринимались. Следует напомнить, – не только, и даже не столько потому, что организационные трудности ока-

ва... Помимо всего распространяется сыпной тиф... Солдаты массами уходят, удержать их нет сил, не знаю, насколько целесообразно держать солдат голодных, измученных перед лицом новой катастрофы...»

И подобные сообщения не являлись исключением. В январе они поступали Главковерху Крыленко десятками, если не сотнями.

²²⁹ Родной брат управляющего делами СНК В.Д. Бонч-Бруевича.

²³⁰ Я отлично знал, – вспоминал М.Д. Бонч-Бруевич, – что, получив очередное моё телеграфное донесение, он незамедлительно познакомит с ним Ленина».

²³¹ «...Многие участки фронта, – докладывал генерал, – совершенно оставлены частями и никем не охраняются. При таких условиях фронт следует считать только обозначенным. На поддержку резерва рассчитывать почти не приходится из-за причин нравственного порядка – части не желают выдвигаться вперёд.

Громадное большинство опытных боевых начальников или удалено при выборах или ушло при увольнении от службы солдат их возраста...

...Корпусные и дивизионные склады не охраняются. Имущество гибнет. За отсутствием телеграфистов во многих местах прекращается связь с дивизиями; скоро прекратится и конная связь. У громадного большинства солдат одно желание – уйти в тыл. Конный состав в полном расстройстве. Артиллерия к передвижению неспособна.

Укреплённые позиции разрушаются, занесены снегом, постройки разваливаются; дерево растаскивается на топливо, а проволока снимается для облегчения «братанья» и торговли. Довольствие людей и особенно лошадей в полном расстройстве, местами критическое. Отсюда – массовое дезертирство, недовольство, эксцессы...

...армии совершенно небоеспособны, и не в состоянии сдерживать противника не только на занимаемых позициях, но и при отнесении линии обороны в глубокий тыл...

Общее состояние войск таково, что ни на какое сопротивление в случае наступления противника рассчитывать нельзя».

зались лишь формировавшейся новой власти не по силам. Старая армия, тем более, её укрепление и восстановление боеспособности, представлялись большевикам не меньшей, а скорее, куда большей опасностью, чем угроза немецкого вторжения²³².

²³² Совершенно откровенно высказался по этому поводу М.Д. Бонч-Бруевич. «...то, что армия тает, как снег весной, – вспоминал генерал, – приводило меня в ужас, и я приходил в полное отчаяние, узнавая о каждом новом наглom поступке немецких парламентариев, считавших уже, что с русскими нет надобности церемониться».

Я всё ещё не оставлял мысли сделать что-то такое, что позволило бы русской армии не откатываться при первом лёгком нажиме германцев и спасло бы огромное войсковое имущество. Мне казалось, что в деморализованной и разбегающейся по домам армии есть немало солдат, унтер-офицеров, офицеров и генералов, готовых честно и мужественно отразить немцев в том случае, если переговоры о мире сорвутся и немецкие дивизии начнут своё продвижение в глубь России. Я полагал, что если таких солдат и офицеров извлечь из дивизий и собрать в кулак, то после полного переформирования получатся стойкие части.

Эту небольшую, но боеспособную армию можно было великолепно оснастить за счёт того вооружения, которое лежало втуне или грозило попасть в руки врага. Таким образом, я рассчитывал создать заслон или «завесу», способную умерить аппетиты германской военщины.

...Но начать формирование «завесы» своей властью я не мог, отлично понимая, что являюсь только военным специалистом, привлечённым новой властью для решения технических, а не политических задач. Я пробовал делиться своими планами с Крыленко, с которым к этому времени у меня начали устанавливаться довольно добрые и уважительные взаимоотношения. Николай Васильевич терпеливо и даже учтиво выслушивал меня, соглашался с отдельными положениями, солидаризировался со мной в оценке состояния армий противника, но вместо распоряжения о формировании частей «завесы» неизменно отдавал очередное приказание об ускорении демобилизации и освобождении от службы тех, из кого я рассчитывал формировать новые части...

– Николай Васильевич, вы сами офицер, и понимаете, в какое катастрофическое положение попадём мы, если переговоры сорвутся, – атаковал я Крыленко каждый раз, когда в Могилёв проникали новые сведения о неблагодарности в Брест-Литовске, – неужели мы должны сидеть, сложа руки?

– А что прикажете делать? – подымая на меня воспалённые от бессонных ночей глаза, спрашивал Крыленко. – Формировать особые части? Создавать особую армию? *А кто поручится, что не найдётся новый Корнилов, который поведёт её совсем не против немцев, а наоборот – стукнется с ними и обрушится на революционный Питер, на рабочих, на крестьян, ещё не снявших фронтных шинелей?*

...то, что верховное командование большевиков отказалось от всякой попытки использовать остатки старой армии для обороны линии фронтов и отпора возможному натиску противника, казалось мне непростительной ошибкой...»

Вся деятельность М.Д. Бонч-Бруевича свелась в итоге к тому, чтобы «проводить в жизнь две главные цели: 1) всячески заботиться о безболезненном, хотя и самочинном, расхождении армии по домам; 2) спасти от гибели и захвата противником возможно большей материальной части, оттягивая её в тыловые районы».

Во второй половине января Крыленко особым приказом распорядился ликвидировать Ставку. Все ликвидационные мероприятия поручалось произвести М.Д. Бонч-Бруевичу силами аппарата штаба. Свернуть Ставку предлагалось не позднее 7(20) февраля 1918 г.

Как видно, в Смольном о катастрофическом положении дел на фронтах были осведомлены в достаточной степени. Но почти столь же полной и однозначной информацией располагал и противник. Набравшая силу меновая торговля и ставшие обыденными закупки германскими офицерами продовольствия в селениях, расположенных на десятки вёрст восточнее линии соприкосновения войск, способствовали ведению интенсивной и не встречавшей никакого противодействия разведывательной деятельности. И то, что русского фронта уже практически не существует, секретом ни для кого не являлось²³³.

Долго ещё М.Д. Бонч-Бруевич не мог понять, что власть может быть куда важнее национальных интересов, и что с генералом Корниловым, в отличие от генерала Гофмана, «ленинцам» договориться не удалось бы ни при каких обстоятельствах, да и разговаривать было не о чем. Напротив, Крыленко, делавший всё от него зависящее, чтобы поскорее демобилизовать армию, знал и чувствовал это лучше, чем кто-либо другой.

15 января 1918 г. СНК по докладу Наркомвоена принял декрет об образовании Красной Армии. Однако вплоть до возобновления немцами военных действий должной настойчивости при решении этой задачи проявлено не было.

²³³ Впрочем, скрыть масштабы разложения армии было уже невозможно. «Германский офицер, привезший русскую делегацию из Минска... – вспоминал О. Чернин, – рассказывал интересные детали об этом путешествии. Прежде всего, он утверждает, что окопы перед Двинском совершенно пусты и что кроме нескольких постов там вообще нельзя встретить русских. Далее, что на бесчисленных станциях делегатов ожидали депутаты, единогласно требовавшие мира. Троцкий отвечал всем в высшей степени искусно и дружелюбно, но это на него производило всё более подавляющее впечатление...»

Понятно, что эти и подобные им «наблюдения» предназначались не только и не столько для дипломатов в Бресте.

В этих условиях уведомление немцев о возобновлении ими 5(18) февраля военных действий, казалось бы, должно было отрезвить сторонников «левой оппозиции» в партии и СНК. Но это произошло далеко не сразу²³⁴. Немало времени потребовалось на то, чтобы удостовериться, что заявление не является фальсификацией, но действительно исходит от германского командования. Утром 5(18) февраля состоялось очередное заседание ЦК РСДРП(б). Выступил с докладом Троцкий, который предположил, что наступление немцев возможно. Вероятность этого Наркоминдел оценивал в 25%. Тут же Ленин предложил направить немцам телеграмму о готовности Советского правительства возобновить переговоры. 7 голосами против 6 ЦК вновь отклонил это предложение. Элементарное соображение, что Германия, как великая держава, просто не может разбрасываться столь значимыми заявлениями, и германские войска в любом случае наступать будут, большинством вновь в расчёт принято не было. Оставалось только ждать...

В 12 часов германская армия перешла в наступление на всех своих участках фронта²³⁵. О том, что немцы прекрасно разобрались в создавшейся на русском фронте обстановке, свидетельствовала даже выбранная ими тактика. «Наступление немцев... – сообщалось в отчёте штаба Западного фронта, – началось открытием ими... артиллерийского огня... а затем высылкой конных и пеших разведывательных партий, причём орудийная стрельба была кратковременной и имела характер не подготовки к бою, а лишь демонстрации или как бы обозначения, что противник намерен приступить к военным действиям». Помимо этого демонстрировались также и участки прорыва. И немцы рассчитали верно. Если в полосе наступле-

²³⁴ Ещё до уведомления немцев состоялось заседание ЦК большевистской партии, на котором предложение Ленина вступить в новые переговоры с Германией и подписать мир было отклонено большинством голосов.

²³⁵ Австрийцы в этот и несколько последующих дней не наступали, выжидая, чем обернётся продвижение германских войск в глубь России. Если бы Старая армия пусть даже не остановила немцев, а хотя бы оказала упорное сопротивление, весьма вероятно, Австро-Венгрия потребовала от Германии прекратить боевые действия и вернуться к переговорам.

ния ещё и оставались части и подразделения Русской армии, в большинстве случаев, они с разрывом первых же снарядов спешили податься в сторону и очистить перед наступающими немцами фронт.

Нельзя сказать, что противник не встретил вообще никакого сопротивления. Не успевшие отойти подразделения, случалось, открывали ответный огонь. Наверняка нашлись и патриоты, посчитавшие своим долгом погибнуть, но преградить врагу дорогу. Но всё это были в самом лучшем случае взводы и роты. Действия их были спонтанными и неорганизованными и общую картину изменить не могли. Полки же и дивизии, основная масса войск тут же снялись с фронта и устремились в тыл²³⁶.

«Мне ещё не приходилось видеть такой нелепой войны, – вспоминал Гофман. – Мы вели её практически на поездах и автомобилях. Сажаешь на поезд горстку пехоты с пулемётами и одной пушкой и едешь до следующей станции. Берёшь вокзал, арестовываешь большевиков, сажаешь на поезд ещё солдат и едешь дальше...» И как бы ни были оскорбительны слова генерала, следует признать, что при всём притом, суть происходящего они отражали. Масштабы катастрофы превзошли самые мрачные ожидания²³⁷. За несколько часов немцы продвинулись

²³⁶ «Сопротивление... – пишет А. Анишев, – было оказано только некоторыми Сибирскими частями 12 армии, причём большая часть армии, потерявшей всякие связи со штабами, своим паническим бегством уничтожала всякую возможность какого бы то ни было сопротивления.

В такой обстановке существование отдельных сопротивляющихся частей и отрядов не могло дать ничего...»

²³⁷ Согласно германским данным с 5(18) февраля по 2(15) апреля им удалось захватить штабы четырёх армий, пяти корпусов, 17 дивизий и десятков полков. В плену оказались свыше 82 тыс. солдат и офицеров. Также было захвачено до 800 тыс. винтовок, около 10 тыс. пулемётов, 4381 орудие, 1203 бомбомёта, 152 аэроплана, 1278 автомобилей, 100 млн патронов, около 3 млн снарядов, 2100 паровозов, около 30 тыс. вагонов, 63 тыс. повозок и телег, 1705 походных кухонь, 13 тыс. лошадей.

Потери эти действительно были невосполнимы, так как запасы утраченного в несколько недель вооружения создавались годами. Следует отметить, что вскоре немалую его часть немцы передали Краснову, а через него – и добровольцам. Понятно, что скупиться им не приходилось.

на десятки километров. В последующие дни они заняли территорию, вполне сопоставимую с той, которую им удалось захватить за три предыдущих года войны. К вечеру 5(18) февраля передовой отряд численностью менее чем в 100 штыков, не встретив сопротивления гарнизона, занял Двинск, где находился штаб 5-й армии Северного фронта²³⁸.

Очередное заседание ЦК было намечено на утро 6(19) февраля. Однако известия о продвижении немцев вынудили большевиков экстренно собраться уже вечером. На этот раз, впервые с начала Брест-Литовской эпопеи, Ленину удалось получить большинство голосов в поддержку немедленного заключения мира²³⁹. Поздно ночью СНК направил в Брест-Литовск соответ-

²³⁸ Это было тем более удивительно, что в городе о возобновлении военных действий знали заранее и, казалось бы, успели принять меры. Утром 5(18) февраля Совет армейских комиссаров 5-й Армии издал приказ, которым в частности предписывалось следующее: «По полученным из штаба фронта и от немцев сообщениям, 18 февраля в 12 часов противник открывает против нас боевые действия... Частям, занимающим передовые линии и находящимся на левом берегу Двины, отойти за реку. Город Двинск будет оставлен, мост, склады снарядов, часть ледяной поверхности будут взорваны минноподрывной ротой. В дальнейшем приказываю всем частям Красной Армии, частям 37, 19 и 27-го корпусов отступать вдоль Псковского шоссе, задерживаясь на выгодных для обороны рубежах у Вышки, Рушоны, ведя малую партизанскую войну».

В действительности всё получилось совершенно иначе. «Воспользовавшись начавшимся отходом частей с передовой линии на левом берегу р. Двина, – вспоминал А.И. Черепанов – после полудня 18 февраля немецкие передовые отряды 5-й пехотной дивизии численностью по 50–60 человек с бронемобилями впереди быстро проскочили мосты через Двину и обезоружили караулы. Минёры при появлении немцев растерялись и, несмотря на то, что все мосты были заминированы, не взорвали их. Отряды противника (до батальона каждый) устремились на восток с целью перерезать Северо-Западную и Риго-Орловскую железные дороги; части, охранявшие вокзалы, сопротивления не оказали. Мелкими отрядами враг сразу же захватил весь город и железнодорожный узел, на котором осталось значительное количество паровозов и вагонов».

Поздно вечером М.Д. Бонч-Бруевич телеграфировал в Наркомвоен: «По сообщению дежурного по телеграфу ст. Двинск сегодня около 16 часов ст. Двинск занята без боя германскими войсками. Штаб 5-й армии захвачен, гарнизон разбежался...»

²³⁹ В итоге 7 голосами против 6 (за голосовали – Ленин, Сталин, Свердлов, Смилга, Сокольников, Зиновьев, Троцкий; против – Урицкий, Иоффе, Ломов, Бухарин, Крестинский, Дзержинский) было принято предложение Ленина

стующую телеграмму²⁴⁰. Гофман получение телеграммы подтвердил, однако, отправив копию в Берлин, потребовал официального письменного уведомления. Из Петрограда был направлен специальный курьер, который сумел передать немцам соответствующие документы.

Всё это потребовало определённого времени, а наступление германских войск, между тем, продолжалось. В полном соответствии с принятым ранее планом в полосе Северного фронта они спешили занять весь западный берег Чудского озера и продвигались на Псков, Юрьев и Нарву. Не встретив серьёзного сопротивления, развернули наступление и на других фронтах.

6(19) февраля М.Д. Бонч-Бруевич проинформировал Крыленко о необходимости перемещения ещё не расформированных управлений Ставки в глубь страны. Последнее, что сделал генерал в должности начальника штаба главкома, было его предупреждение фронтам о наступлении противника. В тот же день он доложил в Петроград о том, что Ставка верховного главнокомандующего расформирована. Губернаторский дом, в котором располагался штаб, М.Д. Бонч-Бруевич передал Могилёвскому Совету, а сам, продав случайному перекупщику трёх своих лошадей, переехал в гостиницу «Франция». В дальнейшем он собирался пробираться в Чернигов, откуда уходил в своё время с полком на фронт Великой войны.

«немедленно обратиться к Германскому правительству с предложением немедленного заключения мира».

²⁴⁰ «Ввиду создавшегося положения, – говорилось в ней, – Совет Народных Комиссаров видит себя вынужденным подписать условия мира, предложенные в Брест-Литовске делегациями Четверного союза. Совет Народных Комиссаров заявляет, что ответ на поставленные германским правительством точные условия будет дан немедленно».

А.И. Черепанов

Однако всё вышло иначе. Около 18 часов генералу была доставлена подписанная Лениным телеграмма: «Предлагаю вам немедленно с наличным составом Ставки прибыть в Петроград». Из-за брата ли, а скорее, в силу того, что немцы наступали, и необходимо было кому-то их отражать, но Михаил Дмитриевич в тот день свой выбор сделал и, возможно сам того не ведая, окончательно и бесповоротно связал свою жизнь и судьбу с большевиками.

В Могилёве генерал продолжал пользоваться уважением и большим влиянием. Сразу по получении телеграммы он собрал штабных работников, генералов и офицеров, проинформировал их о происходящем и предложил проследовать вместе с ним в Петроград. Большинство согласилось²⁴¹. Начальнику военных сообщений Ставки генералу Раттэлю удалось сформировать состав. Любопытно, что комендантом поезда М.Д. Бонч-Бруевич назначил Приходько, который в своё время безуспешно пытался предотвратить самосуд над Духониным. Охрану, помимо штабных офицеров, осуществляли три матроса, привезённых в Могилёв ещё Крыленко.

Лишь к вечеру 9(22) февраля состав прибыл в Петроград и остановился у Царскосельского вокзала. Из кабинета комиссара вокзала М.Д. Бонч-Бруевич переговорил по телефону с братом, после чего вместе с сопровождающими его генералами Лукирским, Гришинским, Раттэлем, Сулейманом на высланном автомобиле проехал в Смольный институт. Пропуска для генералов были уже подготовлены, и один из матросов провёл их в комнату № 75. Беседа с Лениным много времени не заняла²⁴².

Коротко поздоровавшись, Владимир Ильич сразу подошёл к карте и сообщил, что немцы продвигаются к Нарве, а их конные разъезды были замечены уже и под Гатчиной.

– Вам с вашими товарищами, – обратился он к М.Д. Бонч-

²⁴¹ Все те, кто не желал служить большевикам, покинули Могилёв ещё в ноябре после гибели Духонина. В этой связи следует упомянуть генерал-квартирмейстера Ставки М.К. Дитерихса, который перебрался в Украину, а в марте 1918 г. стал начальником штаба Чехословацкого корпуса.

²⁴² Присутствовали также Л.Д. Троцкий, И.В. Сталин и Н.И. Подвойский.

Бруевичу, – надо немедленно заняться соображениями о мерах обороны Петрограда²⁴³. Войск у нас нет²⁴⁴. Никаких...

Произошёл обмен мнениями. И Ленин, и М.Д. Бонч-Бруевич сошлись в одном. Немцы наступать большими силами не в состоянии. Они продвигаются небольшими отрядами в расчёте на отсутствие какого-либо сопротивления. В соответствии с этим была определена и тактика противодействия, которая тут же начала воплощаться в жизнь²⁴⁵.

²⁴³ В очередной раз следует подчеркнуть, что гений Ленина проявлялся в, казалось бы, элементарно простых вещах. В критических ситуациях он умел отбрасывать любые наносные догмы и действовать по ситуации. Понимание того, что серьёзными делами должны заниматься профессионалы, и что даже и с бывшими царскими генералами компромиссы на определённых условиях возможны, впоследствии позволило привлечь «спецов» и выстроить регулярную Красную армию с подготовленным командным составом. Без этого Советская власть, вне всякого сомнения, была бы сметена в летние месяцы.

²⁴⁴ 9(22) февраля был опубликован подписанный Лениным декрет Совнаркома «Социалистическое отечество в опасности», нацеливающий все комитеты на организацию отпора продвигавшимся германским войскам. Однако, несмотря на предпринятые усилия, организовать надёжную оборону Петрограда большевикам не удалось. 11(24) февраля большинство частей гарнизона приняли на митингах резолюцию «стоять насмерть». Однако, кроме латышских стрелков, никто на фронт не проследовал. Петроградский и Измайловский полки вышли из казарм, но грузиться в эшелоны не стали. Известны случаи, когда полковые комитеты потребовали «взамен» усиленного довольствия.

В Красную армию и Красную гвардию за эти дни записалось до 10300 рабочих. Однако какая часть из них готова была не просто получить винтовку, но и воевать с немцами, определить было невозможно. Столь же сомнительны были и боевые возможности этой огромной, но совершенно неорганизованной и в большинстве неподготовленной массы людей.

²⁴⁵ «...Ленин... извинившись, что занят, ушёл, – вспоминал М.Д. Бонч-Бруевич. – Присутствовавший при разговоре брат мой Владимир Дмитриевич провёл меня и остальных генералов в комнату «семьдесят шесть»...

Отлично понимая, как важно выгадать время, я тут же включился в работу, попросив брата связать меня с теми, от кого мы могли бы получить точные сведения о том, что происходит под Гатчиной и Нарвой. Несмотря на неизбежную противоречивость в рассказах «очевидцев» и сообщениях представителей отступивших воинских частей и местных Советов, очень скоро я и мои товарищи смогли представить себе характер немецкого наступления и примерные силы, которыми оно располагает в интересующих нас районах. Ещё немного, и мы уже составили черновые наброски некоторых, ещё весьма общих, соображений по обороне Петрограда.

Тем временем в одной из соседних комнат началось чрезвычайное заседание расширенного президиума Центрального Исполнительного Комитета.

Суть её сводилась к следующему. Прежде всего, создавались и немедленно выдвигались к Нарве и южнее её «разведывательные группы» – отряды в 20–25 человек. Каждая такая группа занимала заранее отведённый ей участок. В задачу её входило поддерживать связь с другими группами, но главное, сообщать в Смольный нарочными и по телеграфу о действительном состоянии дел и продвижении немцев. Им в поддержку предполагалось направить также «поддерживающие отряды» в 50–100 человек, которые должны были действовать по обстановке, вплоть до того, чтобы пресекать дальнейшее продвижение противника вооружённой силой.

В течение ночи на 10(23) февраля и всего последующего дня удалось создать и отправить в район Нарва – Себеж все намеченные «разведывательные группы»²⁴⁶. По мере формирования в этот и последующий дни вслед им отправлялись и «поддерживающие отряды».

К этому времени немцам удалось в основном выполнить поставленные в Гомбурге задачи. 6(19) февраля части Северного корпуса 8-й Германской армии²⁴⁷ с острова Моон (Муху) по замерзшему льду стали продвигаться к Вердеру²⁴⁸, который и

Председательствовал Свердлов. Меня и остальных генералов попросили принять участие в этом заседании, и Яков Михайлович, очистив для меня место рядом с собой, предложил мне рассказать собравшимся о тех основных мерах, которые мы, военные специалисты, рекомендуем принять.

Кроме большевистских лидеров, на заседании присутствовали и левые эсеры, и я получил сомнительное удовольствие впервые в жизни увидеть пресловутую Марию Спиридонову...»

²⁴⁶ И в определённом смысле этот день 23 февраля (н.ст.) вполне заслуживает того, чтобы считаться днём создания РККА. Другое дело, что под эту дату позже многие с удивительной лёгкостью подгоняли заданные конъюнктурой «события» весьма сомнительной достоверности. Вот что, в частности, писал В.В. Бриттов: «Сильные духом и революционной решимостью отряды Красной Армии ценой невероятного напряжения сил и огромных жертв приостановили натиск австро-германских армий.

23 февраля 1918 г. отборные германские дивизии были разгромлены советскими революционными отрядами под Псковом и Нарвой...» Подобные высказывания у непредвзятого исследователя могут вызвать лишь растерянность и недоумение.

²⁴⁷ Корпус состоял из гарнизонов занятого в 1917 г. Моонзундского архипелага.

²⁴⁸ Ныне портовый посёлок Виртсу в Эстонии.

заняли утром следующего дня. С занятого плацдарма развернулось вскоре наступление на Ревель²⁴⁹. Вначале планировалось часть сил выдвинуть к югу на Пернов²⁵⁰, чтобы прикрыть открытый фланг основной колонны. Но вскоре немцам удалось установить контакт с выступившим против Советской власти 1-м эстонским полком²⁵¹, расквартированным в Гапсале²⁵². 8(21) февраля германский отряд с острова Даго²⁵³ перешёл по льду пролив и занял Гапсаль. Отсюда начинались железнодорожные пути и шоссейное полотно, выходявшие непосредственно к Ревелю. Это позволило немцам действовать решительнее и, не дробя сил, форсировать продвижение к городу вдоль железных дорог, как от Гапсаля, так и от Вердера через Леаль²⁵⁴. Окружённый и оставшийся без связи Ревель незначительные красноармейские отряды обороняли вплоть до 12(25) февраля, после чего вместе с советскими учреждениями были переправлены морем в Хельсингфорс²⁵⁵. Эвакуация проходила в высшей степени организованно. Военное имущество, которое не удалось взять с собой, в большинстве было уничтожено. Артиллерийские батареи по мере приближения немецкой пехоты – взорваны²⁵⁶.

8(21) февраля был занят Минск, и от Двинска колонна гер-

²⁴⁹ С 1919 г. г. Таллин.

²⁵⁰ Ныне курортный город Пярну в Эстонии.

²⁵¹ «...1-й Эстонский полк численностью около 600 человек, – пишет А.И. Черепанов, – находившийся в руках офицерства и буржуазных националистов, меньшевиков и эсеров, ночью, накануне высадки немецких войск, произвёл в городе контрреволюционный переворот, арестовал представителей Советской власти и, разоружив русскую десантную роту, отошедшую с острова Вормси, и команду 37-й батареи, перешел на сторону немцев».

²⁵² Ныне г. Хаапсалу на Северо-западе Эстонии.

²⁵³ Ныне остров Хиума.

²⁵⁴ Ныне г. Лихула в Эстонии.

²⁵⁵ Ныне г. Хельсинки.

²⁵⁶ «К утру 25 февраля, – пишет А.И. Черепанов, – почти все суда вытянулись на рейд под прикрытием «Адмирала Макарова». На виду у противника русский флот покидал порт.

Некоторые подразделения красногвардейцев и 1-го Таллинского эстонского красноармейского полка отошли на Раквере.

В 14 часов город и порт были заняты немецкими войсками. Попытка немецкой авиации подвергнуть бомбардировке русские корабли была энергично отбита огнём корабельной артиллерии».

манских войск двинулась к Острову. Другие отряды наступали от Риги к Юрьеву. Здесь немцы натолкнулись на определённое сопротивление. 6(19) февраля их встретил огнём 2-й красноармейский полк, насчитывающий до 1000 солдат бывшего 6-го Сибирского корпуса, добровольно вступивших в ряды Красной армии под командованием штабс-капитана А.И. Черепанова²⁵⁷. Обстреляли противника и немногочисленные защитники станции Венден. Перед отходом им удалось подорвать и повредить часть мостов на железной и шоссейных дорогах, ведущих к Вольмару²⁵⁸. Последний был занят лишь после перестрелки с латышскими стрелками 8(21) февраля. В Вольмаре немцы захватили в плен до 20 красноармейцев. Все они были расстреляны, а член комитета А. Дылле повешен на площади²⁵⁹.

К 10(23) февраля немцам удалось выйти на линию 20–25 километров юго-западнее Юрьева – Остров. С 8(21) февраля Псков был объявлен на осадном положении. К городу, в силу его географического положения, стягивалось всё то, что

²⁵⁷ Два дня полк пытался сдерживать противника на фронте от побережья до железнодорожной магистрали Рига – Вольмар. 7(20) февраля, когда красноармейцы, вытесненные из Лимбажи, заняли оборону южнее Озоли, был получен приказ грузиться на станции Озоли в эшелоны и следовать к Вольмару. К вечеру 2-й красноармейский полк прибыл в город, откуда был направлен в Псков в распоряжение командования Северного фронта. Утром 9(22) февраля 1-й и 2-й батальоны полка (3-й батальон, втянувшийся в бой с немцами, своевременно подойти на погрузку не мог; при этом Черепанова заверили, что по прибытии на станцию, он тут же будет отправлен вслед) прибыли по частям в эшелонах Псков и расположились в казармах Иркутского полка.

²⁵⁸ Ныне г. Валмиера в Латвии.

²⁵⁹ Подобное отношение к пленным, столь нехарактерное для немцев в период Великой войны, А.И. Черепанов объясняет следующим образом: «Противник начал разбрасывать агитационные листовки. В этих листовках немецкое командование предлагало всем частям русской армии кратчайшим путем покинуть пределы Лифляндии и Эстляндии, так как якобы всякое сопротивление их бесполезно. Угрожая, немецкое командование в листовках предупреждало, что каждый взятый с оружием в руках в тылу немецкой армии будет рассматриваться как разбойник и расстреливаться».

Эти листовки усилили деморализацию армии: мероприятия по обороне срывались, огульное отступление стало распространяться все шире».

Как видно, отдельные немецкие командиры, проявив излишнюю педантичность и пренебрегая здравым смыслом, восприняли это, как боевой приказ.

неделю назад значилось корпусами и дивизиями армий Северного фронта. Остатки полков прибывали в эшелонах, на санях, шли вдоль путей пешим порядком. Солдат было много, и большинство – при оружии. Но, потеряв строй, они перестали быть армией. Деморализованные солдатские толпы спешили поскорее пройти через город, и остановить их было невозможно. Царящая неразбериха и непрерывные передвижения бесконечным потоком уходящих на восток обозов приводили многих в уныние²⁶⁰.

2-й красноармейский полк, единственная строевая часть, на которую можно было положиться, оказался в городе как нельзя более кстати. За сутки бойцы были накормлены, получили с вещевых складов обмундирование и усилились местными добровольцами.

10(23) февраля штаб Северного фронта разослал приказ, в котором, частности, 12-й армии предписывалось оборонять Псков до последней возможности. А.И. Черепанов был вызван в штаб фронта, где получил распоряжение силами обоих батальонов занять оборону на наиболее угрожаемом направлении, перекрыв железнодорожную и шоссейную магистрали южнее города.

В тот же день полк выдвинулся к станциям Череха, Большое и Малое Лопатино²⁶¹ и стал по рубежу рек Череха и Многа. Справа полк прикрывала река Великая, левый фланг оставался открытым. Ранее туда же был направлен из города незначительный отряд из местной Красной гвардии и присоединившихся

²⁶⁰ Обстановку в городе добровольно вступившая в ряды 2-го красноармейского полка А.Д. Золоцевская характеризовала так: «Во второй половине февраля 1918 года на улицах Пскова появилось очень много солдат. С каждым днём их становилось все больше и больше: это уходило от Двинска и Риги остатки царской армии, демобилизованной и распавшейся под напором войск немецкого империализма».

В городе было очень тревожно. Он казался беззащитным. В районе вокзала горели подождённые кем-то склады продовольствия. Во дворе реального училища, где остановился какой-то штаб, день и ночь пылали костры: жгли военные карты. Февральский порывистый ветер, подхватив испеленные листы, носил их по всему городу...»

²⁶¹ Ныне Лопатино – пригородный район Пскова.

солдат железнодорожных войск. Эти силы и встретили вскоре продвигавшихся от Острова немцев.

Вечером 10(23) февраля произошло первое боестолкновение с авангардными подразделениями 53-го корпуса. По путям немцы пустили эшелон с оборудованными для боя вагонами и платформами. Справа и слева развернулась в жиденькую цепь пехота, в рядах которой продвигался автомобиль с установленным в кузове пулемётом. Едва противник приблизился, красноармейцы открыли огонь. Первыми же выстрелами автомобиль был повреждён и остановился. Немцы залегли и вступили было в перестрелку, но вскоре вынуждены были отойти. Брошенная машина осталась в степи. Бойцы сняли с неё пулемёт, который оказался в полной исправности.

Ночью германский авангард попытался возобновить атаку, и, вновь, встреченный огнём, вернулся на исходные. С утра 11(24) февраля немцы подтянули свежие силы и продолжили атаки. При поддержке артиллерии пехота противника пыталась наступать, как вдоль железнодорожного полотна, так и по шоссе, но продвинуться не смогла.

Видя, что фронтальные атаки успеха не принесут, немцы изменили тактику. Они сосредоточили силы на левом фланге полка, после чего сбили обеспечивавший его заслон и стали продвигаться в тыл к Крестам²⁶², расположенным в 5–6 километрах западнее города. Через Кресты проходило шоссе, по которому солдатские обозы эвакуировались на Лугу и в обход на Торошино. Черепанов приказал к вечеру отвести полк и занять новый рубеж обороны, южнее Крестов по обе стороны шоссе. Правее его, прикрывая пути, стал отряд красногвардейцев и солдат-железнодорожников. Вынужденный отход нарушил целостность обороны. Весь день противника удавалось сдерживать, но ночью немцы нащупали разрыв и, вклинившись в него, заняли станцию уже в черте города.

Стало понятно, что Пскова наличными силами удержать не удастся. Вскоре Черепанов получил приказ отходить, прикрывая шоссе, ведущее к Луге и Петрограду. Отступившие в

город красногвардейцы всю ночь пулемётным огнём пресекали попытки немцев распространиться от вокзала к городским кварталам. И всю ночь, не обращая внимания на пулемётные очереди, группами и поодиночке продолжали брести по улицам уходившие от войны солдаты. 12(25) февраля Псков был занят германскими войсками²⁶³.

13(26) февраля в район Пскова стали прибывать из Петрограда «поддерживающие» отряды. По мере подхода они располагались в городках Торошино, Новоселье и Белые Струги и вместе с отступившими из-под Пскова советскими частями надёжно прикрыли Лужское направление.

С 11(24) февраля западнее Нарвы происходили стычки местных красногвардейских отрядов и отдельных отступавших частей 12-й армии с германскими передовыми подразделениями, дальнейшее продвижение которых сильно затормозилось. В конце концов, немцы заняли часть города на западном берегу Наровы. Солдаты переправились через реку, и пытались развить наступление. Один из разъездов под командой решительного и инициативного командира действительно выдвинулся к Гатчине. Пехотные же части заняли оборону у Веймарна восточнее Ямбурга²⁶⁴ и дальше не пошли²⁶⁵.

²⁶³ По иронии судьбы в этот день в Петрограде было распространено сообщение, в котором, в частности, говорилось: «Вчера было назначено заседание Совета рабочих и солдатских депутатов, на котором было оглашено сообщение, что Псков занят небольшими отрядами немцев, прибывших на мотоциклетах.

Решено было принять самые энергичные меры к немедленной мобилизации всех революционных сил для отражения врага...

По самым последним сведениям, *Псков опять в наших руках, немцев удалось оттуда вытеснить*. Настроение среди пролетарских масс приподнятое...»

Был введён в заблуждение и Ленин, не забывавший при выступлениях подчёркивать, что «сданный ранее Псков теперь отбит».

²⁶⁴ Ныне г. Кингисепп Ленинградской области.

²⁶⁵ «Точным данным этим, – с некоторой горечью вспоминал позже генерал, – мы обязаны были не нашим «разведывательным группам» а мужеству и патриотизму рядовых советских людей. Так, чиновник нарвской почтово-телеграфной конторы как-то вызвал меня к прямому проводу и сообщил, что контора вынуждена была эвакуироваться на правый берег Наровы».

²⁶² Ныне западный пригород Пскова.

Тем временем количество направленных из Петрограда групп, рассредоточившихся вдоль линии Нарва – Себеж, по существу, в тылу у немцев, всё увеличивалась. По мере формирования начали подходить и «поддерживающие отряды». Перед М.Д. Бонч-Бруевичем неизбежно встал вопрос о необходимости организовать управление и хоть в какой-то мере скоординировать и упорядочить их действия. В этот момент к нему обратился бывший командующий 12-й армией Северного фронта генерал Д.П. Парский, предложил свои услуги²⁶⁶ и тут же был направлен командовать «Нарвским боевым участком». Ленин против кандидатуры генерала не возражал.

Сформировав небольшой штаб, Парский незамедлительно выехал к Ямбургу, куда, тесня немецкие разъезды, подтягивались вверенные ему советские отряды. Одновременно с Парским на Нарвский фронт следовал из Гельсингфорса через Петроград отряд балтийских моряков под командованием бывшего председателя Центробалта П.Е. Дыбенко. Однако вскоре выяснилось, что дисциплина в отряде отсутствовала как таковая²⁶⁷. Подчиняться кому бы то ни было, а уж генера-

²⁶⁶ «...в моём распоряжении, – вспоминал М.Д. Бонч-Бруевич, – не было ни одного свободного генерала или штаб-офицера, которому можно было бы поручить эту сложную работу.

Выручил счастливый случай. В тот момент, когда я раздумывал, кого из ответственных сотрудников моего небольшого штаба можно с наименьшим ущербом для дела снять и поставить на руководство Нарвским фронтом, ко мне в вагон нежданно-негаданно заявился бывший генерал Парский.

– Михаил Дмитриевич, – начал он, едва оказавшись на пороге, – я мучительно и долго размышлял о том, вправе или не вправе сидеть, сложа руки, когда немцы угрожают Питеру. Вы знаете, я далёк от социализма, который проповедуют *ваши* большевики. Но я готов честно работать не только с ними, но с кем угодно, хоть с чёртом и дьяволом, лишь бы спасти Россию от немецкого закабаления...»

²⁶⁷ «...со времени Октябрьского штурма, – писал М.Д. Бонч-Бруевич, – прошло четыре месяца, и, ознакомившись с отрядом Дыбенко, едва он прибыл в Петроград, я впал в известное уныние. Отряд мне очень не понравился, было очевидно, что процесс разложения старой царской армии, как гангрена, поразил и военных моряков, которых ещё совсем недавно и притом вполне справедливо называли «красой и гордостью революции».

лам и офицерам, в любом случае, матросы демонстративно не желали.

М.Д. Бонч-Бруевич открыто заявил о том, что отправлять матросов в район боевых действий не следует. Он пояснил, что рабочие, добровольно записавшиеся в красноармейские отряды, пусть не опытные, но зато дисциплинированны и управляемы, а потому и куда более надёжны. Однако Дыбенко сумел настоять на своём. К тому же ему удалось «выторговать» в Смольном полную независимость от Парского.

Едва отряд прибыл под Нарву, от командующего пришла телеграмма, в которой генерал сообщал о сразу же возникших между ним и Дыбенко трениях. Первое же боестолкновение подтвердило худшие его опасения. Войдя же в соприкосновение с отступавшим к Нарве немецким арьергардом, матросы оставили позиции и устремились в тыл²⁶⁸.

М.Д. Бонч-Бруевич доложил о случившемся лично Ленину. Тот ничего не ответил, но на следующий день Дыбенко со станции Ямбург прислал генералу следующую телеграмму: «Сдал командование его превосходительству генералу Парскому». На этом участие отряда в боях под Нарвой завершилось. Он был отозван в тыл, и после чистки и реформирования направлен на другой фронт.

Между тем немцы, видя перед собой организованные и всё

...нашлись матросы Балтийского флота, докатившиеся ко времени немецкого наступления на Петроград до организации анархистских, а то и заведомо бандитских групп.

Разложение это чуть не погубило анархистовавшего в то время матроса Железнякова, являвшегося председателем комитета части...

Отряд Дыбенко был переполнен подозрительными «братишками» и не внушал мне доверия; достаточно было глянуть на эту матросскую вольницу с нашитыми на широченные клёши перламутровыми пуговичками, с разухабистыми манерами, чтобы понять, что они драться с регулярными частями не смогут. И уж никак нельзя было предположить, что такая «братва» будет выполнять приказы «царского генерала» Парского...

²⁶⁸ Позже, когда дело о позорном поведении отряда, разбирали специальный трибунал, выяснилось, что «вместо борьбы с немцами разложившиеся матросы занялись раздобытой в пути бочкой со спиртом».

увеличивавшиеся в численности войска, отошли на правый берег Наровы. Парский, подойдя к Нарве, без промедления занял оставленную противником восточную часть города. Несколько дней его отряды, не подвергавшиеся серьёзному нажиму, держали оборону вдоль реки и лишь 19 февраля (4 марта) вынуждены были оставить город и отойти на восток, окончательно закрепившись на рубеже озёр Липовское и Белое – река Луга – Ямбург – озеро Пятское.

Дальнейшие «бои» свелись к столкновениям германских разъездов с «поддерживающими отрядами». Масштабы их не превосходили перестрелок взводов со взводами и даже отделений с отделениями. «Фронт» западнее Нарвы и северо-западнее Пскова²⁶⁹ стабилизировался.

Могли ли немцы развернуть успешное наступление на Петроград? Технически – вне всякого сомнения. Последующее их продвижение по Украине, думается, может служить доказательством того, что в этот период германским войскам вполне по силам было разгромить 10–15 тысяч в массе своей недостаточно подготовленных, а зачастую и слабо вооружённых красногвардейцев²⁷⁰.

Другое дело, что принятые М.Д. Бонч-Бруевичем меры принесли свои плоды. Оборона советских отрядов приобрела определённую плотность, и теперь, для продвижения к Петрограду германскому командованию пришлось бы ввести в дело не роты и батальоны, а полки и даже дивизии.

И всё же остановило немцев не это. Взятие русской столицы, по здравому размышлению, в стратегической перспективе ничего хорошего им не сулило. Большевики были единственны-

²⁶⁹ Это и были зачатки протянувшейся со временем от Нарвы до Курска легендарной «завесы».

²⁷⁰ И понимание того факта, что немцы остановили наступление потому, что дальнейшее продвижение не входило в их планы, у современников присутствовало. В частности, А. Анишев писал об этом откровенно и прямо: «На Северном фронте немцы бросили в наступление три корпуса, которые, заняв Псков, Двинск, Вильно, остановились, так как в задачи Германии не входило наступление на Петроград».

ми, кто возобновления полномасштабных военных действий не желал ни в коем случае. Поставь немцы в занятом Петрограде лояльное им правительство, власть его распространялась бы только на длину германского штыка. Но весьма возможное вслед за этим падение большевиков неизбежно влекло за собой приход к власти на огромной территории, оккупировать которую было невозможно, сил, которые попытались бы восстановить фронт.

Подобного развития событий германское командование допустить не могло. И именно поэтому, как бы ни складывались у немцев отношения с Ленинским Совнаркомом, к падению последнего они не стремились.

Помимо прочего, рывок германских войск от Риги и Моонзунда к Пскову и Нарве повлёк за собой и ещё одно заслуживающее внимания следствие. М.Д. Бонч-Бруевич высказал Ленину свои соображения по поводу того, что Петроград, хоть как-то прикрытый с южного направления, оставался совершенно беззащитным перед угрозой немецкого десанта с моря.

Ленин этим сообщением оказался обеспокоен чрезвычайно. В тот же день на заседании Совнаркома им был поставлен вопрос о переезде Правительства в Москву, который был встречен с пониманием. Особо, было оговорено хранить всё в строжайшей тайне. Однако чтобы прощупать предварительно почву В.Д. Бонч-Бруевич, которому было поручено организовать переезд, провёл беседу с представителями ВИКЖЕЛя²⁷¹, в которой сообщил о намерении СНК эвакуироваться в глубь страны. Несмотря на то, что было дано обещание, сохранить услышанное в тайне, на следующий день весь город знал, что «Совнарком бежит от немцев на Волгу».

Началась паника. Зиновьев даже просил выделить необходимые денежные средства для организации работы партийных ячеек в условиях подполья. Дело дошло до того, что 19 февраля (1 марта) ВЦИК был вынужден опубликовать соответству-

²⁷¹ Всероссийский исполнительный комитет союза железнодорожных рабочих и служащих.

ющее заявление²⁷². Однако сразу же по завершении VII съезда РКП(б)²⁷³ переезд состоялся.

На Николаевском вокзале для членов ВЦИК были подготовлены два состава из вагонов царского поезда. Погрузка же Совнаркома была скрытно произведена на Цветочной площадке Николаевской железной дороги, причём Ленин покинул Смольный лишь за полчаса до отправления правительственного эшелона, назначенного на десять часов вечера 25 февраля (10 марта). С Цветочной площадки поезд отошёл в темноте с потушенными огнями. Один из составов с членами ВЦИК был задержан и эшелон Совнаркома был пропущен между ними. Охраняли его латышские стрелки, снабжённые пулемётами²⁷⁴.

Ленин и остальные члены Правительства прибыли в Москву поздно вечером 26 февраля (11 марта) 1918 г. После нескольких дней пребывания в гостинице «Националь», Народные комиссары и управление делами Совнаркома перебрались в Кремль. Штабной же поезд М.Д. Бонч-Бруевича с членами Высшего Военного Совета, прибывший в Москву позже, расположился на запасном пути Александровского вокзала²⁷⁵.

3(16) марта IV Всероссийский съезд Советов временно перенёс столицу РСФСР из Петербурга в Москву.

²⁷² «Все слухи об эвакуации из Петрограда Совета Народных Комиссаров и Центрального Исполнительного Комитета совершенно ложны, – говорилось в нём. – Совет Народных Комиссаров и Центральный Исполнительный Комитет остаются в Петрограде и готовят самую энергичную оборону Петрограда.

Вопрос об эвакуации мог бы быть поставлен только лишь в последнюю минуту в том случае, если бы Петрограду угрожала самая непосредственная опасность, чего в настоящий момент не существует».

²⁷³ Помимо прочего, Съезд вынес решение о переименовании Российской социал-демократической партии (большевиков) – РСДРП(б) в *Российскую коммунистическую партию (большевиков)* – РКП(б).

²⁷⁴ В Вишере латышам пришлось разоружить эшелон матросов, дезертировавших из Петрограда.

²⁷⁵ Ныне Белорусский вокзал в Москве.

8.3.7. Подписание договора

Только в 10.30 10(23 февраля) получен был, наконец, ответ от немцев, в котором они предлагали следующие условия заключения мира²⁷⁶. Помимо двух пунктов, означенных в ультиматуме от 27 января, германское командование добавило ещё восемь:

3. Лифляндия и Эстляндия немедленно очищаются от русских войск и Красной армии, и в них вводится германская полиция;

4. Россия тотчас же заключает мир с Украинской республикой и очищает Украину и Финляндию;

5. Россия возвращает Турции анатолийские провинции и признаёт отмену турецких капитуляций;

6. Русская армия немедленно демобилизуется, включая и вновь образованные нынешним правительством войсковые части. Русские корабли в Чёрном и Балтийском море и в Ледовитом океане должны быть приведены в русские порты и разоружены. Возобновляется мореплавание. В Ледовитом океане сохраняется немецкая блокада до заключения мира;

7. Германо-русский торговый договор вновь вступает в силу;

8 и 9. Вопросы правового порядка будут регулироваться согласно решениям русско-германской юридической комиссии. Россия обязуется прекратить всякую агитацию и пропаганду против стран германского блока как внутри страны, так и в оккупированных ими областях;

10. Вышеизложенные условия должны быть приняты в 48 часов. Русские уполномоченные должны немедленно прибыть в Брест-Литовск и там в трёхдневный срок подписать мир, который должен быть ратифицирован в течение трёх недель.

Следует признать, предлагаемые пункты договора полностью отражали сложившуюся ситуацию. Победители навязывали

²⁷⁶ Генерал Гофман записал в дневнике: «Только сегодня утром отправили ультиматум. Надо прямо сказать, Министерство иностранных дел и верховное главнокомандование хорошо поработали. Ультиматум содержит все требования, какие только можно было выставить».